

ХАЛИМАТ БАЙРАМУКОВА

ЧЕРНОВИКИ

Черновиков
Не довожу до черного
Мараньем преднамеренным.
Не ставлю
На них крестиков кокетливых.
Ученому
Я их для изучения
Не оставлю.

Пускай потомки скажут:
«Не работала».
Пускай изучат более глубоко
Того, кто кляксу
Вскармливал заботливо.
Хранил пометку,
Как зеницу ока.

Черновики мои,
Черновики мои!
Не строки тут зачеркнуты,
А сроки,
И стопы тут не стопы,
А шаги мои;
Страницы не страницы,
А дороги —
Исхоженные,
Изборожденные —
Не перьями,
А сердца острой болью...

...Какие же, — Ответь! —
Пойдут ученые
По бороздам, прорезанным тобою?!
По этим спутанным,
Грозой пронизанным
Черновикам —
Неведомым, незримым, —
По вновь зачеркнутым
И вновь написанным
Путям,
 Годам,
 Неделям,
 Веснам,
 Зима...

Чья-то жизнь завершилась:
Несут венки на весу.

Чья-то жизнь зародилась —
Шаг навстречу концу.
А между дистанцией
 рождения
И смерти — жизнь живет;
Она, как центр притяженья,
Тянет к себе, зовет.
Зовёт, поёт: смелее
Живи, человек, люби!
Радуйся солнцу, сея
Радость между людьми.
И все ли ты сделал, —
 сверься, —
Чтоб трепетную нить
Меж колыбелью
 и смертью
Для смертных удлинить.

Прошел и этот день.
 И эти сутки.
Я в них была, но я жила
 не в них.
Мне этот день не отдал
 ни минутки,
А сам унес десятки дней
 моих.
Десятки дней моих навстречу
 плыли,
В окно стучали,
 ждали,
 звали,
 жгли,
За доброе — добром воздать сулили
И не сулили, — если не могли.
День...
Только день!
Но он один заставил
Меня расстаться с целой цепью
 дней.
Он разметал их по ветру,
Как стаю
Седых ворон,
Как стаю голубей.
И даже взгляда
Вслед не кинул ей.
Дни — голуби! — они умчатся,
 канут...
Но если их
Возьмут мои друзья, —
Все эти дни опять моими

станут.
И косвенно продлится жизнь
моя.

*Перевела с карачаевского
НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА.*